

Родильная и погребально-поминальная обрядность башкир Челябинской области: традиционные основы и причины устойчивости

Гульсасак Ваисовна Булякова

Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан,
Уфа, Российская Федерация
E-mail: gulsasak-@mail.ru

Аннотация. В статье на основе полевых этнографических материалов, собранных автором в 2008–2011 гг. в Аргаяшском и Кунашакском районах Челябинской области, исследуются родильные и погребально-поминальные обряды башкир как наиболее устойчивые элементы традиционной культуры. Цель работы заключается в выявлении факторов сохранности данных обрядовых комплексов в условиях социальных и культурных трансформаций современности. Анализируются структура, семантика и функции ритуалов, сопровождающих рождение человека и его уход из жизни, а также рассматриваются представления и верования, лежащие в основе соответствующих практик. Обосновывается тезис о более высокой степени консерватизма родильной и погребально-поминальной обрядности по сравнению со свадебной традицией. Показано, что устойчивость этих обрядов обусловлена их связью с фундаментальными экзистенциальными переживаниями человека. В родильном цикле тревога концентрируется вокруг здоровья матери, выживания новорожденного и неопределенности его дальнейшей судьбы, тогда как в погребально-поминальном цикле ключевую роль играют страх смерти, представления о загробном существовании и стремление обеспечить умершему благополучный переход в иной мир. Существенным механизмом сохранения традиции выступает феномен «магической ответственности», основанный на убеждении, что точное соблюдение ритуальных предписаний способствует благоприятному исходу событий, тогда как их нарушение способно повлечь негативные последствия. Особое внимание уделяется взаимодействию исламских и доисламских компонентов в обрядовой культуре башкир. Показано, что элементы анимизма, тотемизма и фетишизма органично интегрированы в ислаимизированную систему ритуалов, чему способствовала специфика ханафитского масхаба, признающего народный обычай (урф) одним из источников права. Дополнительным фактором консервации рассматриваемых практик выступает локальная этническая изоляция башкир Челябинской области, в условиях которой традиционная обрядность выполняет важную функцию поддержания этнокультурной идентичности. Материалы полевых исследований сопоставляются с архивными данными, опубликованными сведениями по башкирам Республики Башкортостан и сравнительными материалами по другим тюркским народам. Полученные результаты позволяют уточнить механизмы устойчивости традиционной культуры и могут быть использованы при разработке теоретических моделей ее функционирования в условиях модернизации.

Ключевые слова: башкиры, Челябинская область, родильная обрядность, погребально-поминальная обрядность, традиционная культура, консерватизм обряда, анимизм, ислам, полевая этнография, этническая идентичность

Для цитирования: Булякова, Г.В., 2026. Родильная и погребально-поминальная обрядность башкир Челябинской области: традиционные основы и причины устойчивости, *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 2, с. 236–243. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.21>

Birthing and funeral-memorial rites of the Chelyabinsk region Bashkirs: traditional foundations and the causes of stability

Gulsasak V. Bulyakova

Scientific and Production Center for the Protection and Use of Immovable Cultural Heritage Objects of
the Republic of Bashkortostan,
Ufa, Russian Federation
E-mail: gulsasak-@mail.ru

Abstract. Based on ethnographic field data collected by the author between 2008 and 2011 in the Argayash and Kunashak districts of the Chelyabinsk Region, this article examines Bashkir birth, funeral and memorial rites as the most enduring elements of traditional culture. The aim of this study is to identify the factors contributing to the preservation of these ritual complexes amidst the social and cultural transformations of the modern era. The structure, semantics and functions of the rituals accompanying a person's birth and passing are analysed, and the beliefs and conceptions underpinning these practices are examined. The thesis that birth and funeral-memorial rituals exhibit a higher degree of conservatism compared to wedding traditions is confirmed. It is demonstrated that the stability of these rituals stems from their connection to fundamental human existential experiences. In the birth cycle, anxiety centres on the mother's health, the survival of the newborn and the uncertainty surrounding the child's future, whereas in the funeral and memorial cycle, the key factors are the fear of death, beliefs about the afterlife and the desire to ensure the deceased's safe passage to the other world. A key mechanism for preserving tradition is the phenomenon of 'magical responsibility', based on the belief that strict adherence to ritual prescriptions contributes to a favourable outcome, whilst their violation may lead to negative consequences. Particular attention is paid to the interplay between Islamic and pre-Islamic elements in Bashkir ritual culture. It is demonstrated that elements of animism, totemism and fetishism are organically integrated into the Islamised system of rituals, a process facilitated by the specific nature of the Hanafi school of jurisprudence, which recognises folk custom (*urf*) as one of the sources of law. An additional factor in the preservation of the practices under consideration is the local ethnic isolation of the Bashkirs in the Chelyabinsk Region, in which context traditional rituals play an important role in maintaining ethno-cultural identity. Field research data is compared with archival records, published information on the Bashkirs of the Republic of Bashkortostan, and comparative material on other Turkic peoples. The findings help to clarify the mechanisms underpinning the stability of traditional culture and can be used in the development of theoretical models of its functioning in the context of modernisation.

Keywords: Bashkirs, Chelyabinsk Region, birthing rituals, funeral and memorial rites, traditional culture, ritual conservatism, animism, Islam, field ethnography, ethnic identity

For citation: Bulyakova, G.V., 2026, Birthing and funeral-memorial rites of the Chelyabinsk region Bashkirs: traditional foundations and the causes of stability, *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 236–243. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.21>

Введение

Семейная обрядность – один из наиболее информативных источников для реконструкции мировоззренческой системы этноса. Три ее главных цикла – родильный, свадебный и погребально-поминальный – фиксируют узловые моменты жизненного пути человека и отражают коллективные представления о природе жизни, смерти и судьбы. При всей взаимосвязи этих циклов исследователи давно обращают внимание на неравномерность их трансформации в условиях модернизации и межкультурных контактов: свадебная традиция, как правило, изменяется быстрее, тогда как родильные и похоронные обряды сохраняют архаические пласты с поразительной устойчивостью [Фатыхова, 1986; Бикбулатов, Фатыхова, 1991; Руденко, 2006; Султангареева, 1998; Салмин, 2016].

Башкиры Челябинской области представляют в этом отношении особенно ценный материал. Оказавшись с 1930-х годов в относительной изолированности от основного массива башкирского этноса в Республике Башкортостан и в иноязычном, инокультурном окружении, они были вынуждены целенаправленно поддерживать собственную обрядовую систему как маркер этнической идентичности. Это создало условия для сохранения традиционных форм, уже вышедших из употребления в соседних районах [Мурзабулатов, 1999: 4–5].

Настоящая статья посвящена двум полюсам жизненного цикла – обрядам, сопровождающим рождение, и обрядам, сопровождающим смерть. Цель работы: описать их структуру и семантику на основе полевых материалов, собранных в Аргаяшском и Кунашакском районах Челябинской области в 2008–2011 гг., и объяснить, почему именно эти группы обрядов оказываются наиболее консервативными. Гипотеза состоит в том, что главной причиной устойчивости является не инерция традиции сама по себе, а глубинная экзистенциальная тревога людей: за здоровье и судьбу новорожденного в первом случае и страх перед непознаваемой реальностью загробного существования – во втором.

Источниковую базу статьи составляют полевые этнографические материалы, собранные автором в 33 деревнях Аргаяшского и Кунашакского районов Челябинской области методом полуструктурированного интервью, аудио- и видеофиксации. Было опрошено 78 информаторов. Полевые данные сопоставлялись с архивными материалами экспедиций Н.В. Бикбулатова, М.В. Мурзабулатова и Р.М. Султанова (1958–2000 гг.), хранящихся в Научном архиве УФИЦ РАН, а также с фольклорными источниками из серии «Башкирское народное творчество» [ПЗА, 2008–2011].

Основной метод – сравнительно-сопоставительный: собственные полевые материалы сопоставлялись с опубликованными данными по башкирам Республики Башкортостан и соседним тюркским народам. Использовались также принципы структурно-функционального анализа и историко-генетический подход к интерпретации обрядовых элементов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов сохранения традиционной культуры в условиях современных социокультурных трансформаций. Родильная и погребально-поминальная обрядность относится к числу наиболее устойчивых элементов нематериального этнокультурного наследия, играющих важную роль в сохранении этнической идентичности.

Несмотря на значительный корпус исследований по семейной обрядности башкир, причины устойчивости родильных и погребально-поминальных обрядов и факторы их сохранения среди башкир Челябинской области до настоящего времени не становились предметом специального комплексного анализа.

Научная значимость темы определяется также тем, что данные обрядовые комплексы сохраняют архаические мировоззренческие представления и отражают процессы взаимодействия доисламских верований и исламской традиции. Их изучение способствует более глубокому пониманию закономерностей развития традиционной культуры и механизмов ее воспроизводства в условиях модернизации.

Родильная обрядность: структура и семантика

Родильный обрядовый цикл башкир Челябинской области охватывает три этапа: дородовые практики, обряды, непосредственно связанные с родами, и послеродовой период вплоть до исполнения ребенку сорока дней.

Дородовые практики. Известие о беременности воспринималось как важнейшее событие, однако не разглашалось из страха перед сглазом: злой взгляд мог навредить будущей матери и ребенку. В народном сознании беременная женщина находилась на границе двух миров: «*Йөклө катындың бер аяғы теге донъяла, бер аяғы фани донъяла*» ‘Беременная женщина одной ногой находится в потустороннем мире, другой – в бренном’ [ПЗА, 2008–2011]. Эта формула точно передает народное ощущение повышенной уязвимости роженицы.

Система дородовых запретов строилась по двум основаниям: защита от сверхъестественных сил (нельзя смотреть на покойника – ребенок родится с белым лицом; нельзя присутствовать при пожаре – на теле ребенка появятся темные пятна) и охрана физического состояния матери и плода (запрет поднимать тяжести, нельзя перегреваться, запрет на сырую воду). Значительная часть этих запретов имеет рациональное медицинское содержание, облеченное в магическую форму [ПЗА, 2008–2011].

Для борьбы с бесплодием применялись как рациональные методы (массаж и прогревание в бане, настои трав), так и магические: пропускание через «молитвенный круг» (*уткарма бетегү*), использование последа многодетной матери, обряды с участием шаманов-знахарей (*курэза, осоксо*). Все это свидетельствует о том, что продолжение рода воспринималось не просто как личное, но как сакральное дело всей общины.

Обряды родовспоможения. Роды происходили дома с обязательным участием повитухи (*кендек инэй, кендекэй*). Повитуха была не просто акушеркой, но ритуальной посредницей между роженицей и небесными силами: она «принимала» ребенка у Тэнгри и устанавливала с ним

пожизненную духовную связь. Между повитухой и принятым ею ребенком на протяжении всей жизни сохранялась особая связь: ребенок называл ее «*инэй*» (мать) [ПЗА, 2008–2011].

Обряды родовспоможения обнаруживают синтез магического и рационального. Символические действия – развязывание всех узлов на одежде роженицы, расстегивание пуговиц, расплетание кос, открывание запоров и ящичков – имитировали «открытый путь» для ребенка. Аналогичные практики зафиксированы у татар, русских, мордвы, таджиков и других народов, что указывает на архаическую общечеловеческую основу подобного мышления [Галаятдин, 2016; Кисляков, 1959; Фаттахова, 2012]. Физические методы (особое положение роженицы, приемы ручного поворота плода) сочетались с молитвой (первая сура Корана читалась 21 или 41 раз).

Послеродовые обряды. В народном сознании первые сорок дней после рождения являлись временем максимальной уязвимости матери и ребенка: «*кырк көнгә тиклем әсәй һәм бала өсөн кәбер капкасы асык тора*» ‘до сорока дней для матери и младенца открыта крышка могилы’ [ПЗА, 2008–2011]. Полагали, что душа окончательно поселяется в теле ребенка лишь по истечении этого срока.

Практики защиты новорожденного включали несколько уровней. Первый – физический: острые металлические предметы (ножницы, нож, булавки) рядом с колыбелью как апотропеи; окуривание можжевельником. Второй – магический: обряд «*кот койоу*» (возвращение испуганной души посредством отливки олова в воду над головой ребенка). Третий – социально-символический: купля-продажа ребенка (*бала һатыу*) через окно, переодевание мальчика в девочку – обман злых духов. Четвертый – именной: немедленное наречение «пеленочным именем» (*йүргәк исем*) и последующее торжественное имянаречение (*исем туйы*) с участием муллы.

Пространство обрядов имянаречения отражает сложившийся синтез доисламских и мусульманских представлений. Мулла произносил имя в правое ухо ребенка трижды, затем в левое и снова в правое. Параллельно действовали архаические имена-обереги, связанные с силой железа (*Тимербулат*, *Тимергәле*), камня (*Ташбикә*), хищных животных (*Арыслан*, *Бүребай*) – отражение тотемистических представлений о покровительстве духов-предков [ПЗА, 2008–2011].

Погребально-поминальная обрядность: структура и семантика

Похоронный обрядовый цикл башкир Челябинской области состоит из пяти стадий: охрана покойника (*мәйетте һаклау*); подготовка к погребению (*мәйетте йыууу*); проводы покойника (*мәйетте озатыу*); захоронение (*мәйетте күмәү*); поминки (*искә алыу*) [Бикбулатов, Фатыхова, 1991: 118].

Предсмертные и постмортальные практики. Смерть у башкир Челябинской области осмыслялась как переход души в иное состояние. С исламским учением о том, что земная жизнь есть лишь подготовка к вечной, органично слились более древние представления о душе (*йән*), скитающейся вблизи дома в течение сорока дней после смерти. Народные приметы, предвещающие смерть (вой собаки мордой к земле, карканье ворона на кладбище, кукареканье петухов в ночное время), до сих пор воспроизводятся информаторами. Умиравшего укладывали лицом к Кибле, смачивали губы водой. Приглашенный мулла читал 36 суру Корана («*Йа син*») [ПЗА, 2008–2011].

Покойника запрещалось оставлять одного: его охраняли, читая заупокойные молитвы. Примечательно, что многие современные информаторы уже не знают смысла обряда *мәйетте һаклау* и отвечают: «так принято» – свидетельство превращения живого ритуала в традицию-инерцию, при том что первоначальная причина – страх перед душой, способной превратиться в злого духа, – практически стерлась из памяти, но сам обряд сохранился [ПЗА, 2008–2011].

Обмывание и облачение в саван. Омывение (*мәйет йыууу*) трактовалось как ритуальное очищение тела перед переходом в потусторонний мир. Число обмывающих – нечетное (3, 5 или 7); вода набиралась «от себя» против течения под чтение молитв; использованная вода с рукавицами закапывалась в укромном месте. Саван (*кәфен*) из белой ткани шился в обратную сторону, ткань рвалась руками, а не резалась – все это маркеры ритуальной инверсии, разграничивающей мир живых и мертвых.

В некоторых деревнях Аргаяшского района в саван вкладывали листок «*яуаплама*» (ответ) с молитвенными текстами из Корана: считалось, что это поможет умершему дать правильные ответы ангелам-испытателям Мункиру и Нанкиру на Страшном суде [ПЗА, 2008–2011]. Этот обычай наглядно показывает, как конкретная эсхатологическая тревога порождает конкретный обрядовый акт.

Погребение. Покойника выносили ногами вперед, чтобы не позволить душе «вернуться» в дом. Перед кладбищем читалась молитва «*йыназа*». Тело укладывали на правый бок лицом к Кибле в нишу-подбой (*ләхет*). Ниша закрывалась березовыми поленьями или досками, чтобы земля не касалась тела. По четырем углам могильного холма рассаживались четыре человека, читалась 67

сура Корана «Мулк». Тем, кто копал могилу, дарили рубахи – труд этот считался богоугодным делом.

Поминальный цикл. Поминки справлялись на 3-й, 7-й, 40-й день и в годовщину смерти. Главная их функция – «кормление» души и обеспечение ее благополучного перехода. Нарушение поминального цикла грозило тем, что умерший превращался в «убыр» – опасное существо, вредящее живым.

На сороковой день, по поверью, душа умершего принимала образ невидимой птицы, садившейся в доме на деревянный крюк (*агас сөй*). Специально для нее в некоторых домах прибывался такой крюк. После сорокового дня душа окончательно переселялась в загробный мир [ПЗА, 2008–2011]. Это верование структурировало весь поминальный цикл и придавало ему конкретную цель: обеспечить душе «легкий» переход.

Изложенное выше показывает, что в основе мировоззрения башкир Челябинской области лежит вера в большую силу мира мертвых. Все обычаи и обряды данного цикла направлены на удовлетворение требований умершего. Все пять циклов были строго взаимосвязаны между собой; последовательность их определялась схемой, которую нельзя было нарушать во избежание гнева умерших. Первые четыре цикла, связанные с подготовкой к погребению и захоронением, направлены на создание условий для нормального перехода души в иной мир; пятый цикл, поминальный, отражал стадии процесса переселения души в мир мертвых. В свою очередь молитвы, угощения, подаяния, которые имели место в поминках, – это своеобразный способ общения живых с мертвыми. В поминальном обряде башкир четко прослеживаются не предписанные исламской традицией обряды (раздача традиционных лепешек, мотков нитей, запреты в приготовлении пищи, создание запаха жареного и т. д.). Наиболее важными считались поминки третьего, сорокового дня и годовщина.

Следует отметить, что в традиционном цикле похоронно-поминальных обрядов и обычаев башкир сплетены различные представления, общие для народов Поволжья, Средней Азии, Сибири, Кавказа, возникшие еще в домусульманский период. Ислам ассимилировал большую часть представлений, и многие прежние верования продолжали существовать, приобретая мусульманский вид.

Консерватизм родильной и похоронной обрядности: причины и механизмы

Ключевой вопрос статьи: почему именно эти два цикла – родильный и похоронный – сохраняются с наибольшей полнотой и устойчивостью, тогда как свадебная обрядность трансформировалась значительно быстрее?

1. Экзистенциальная тревога как главный консервирующий фактор. Рождение и смерть – события, вырывающие человека из привычного хода жизни и ставящие его перед непознаваемым. Ни одна система знания – ни народная медицина, ни религия – не может дать полной гарантии благополучного исхода. Именно поэтому обряд берет на себя функцию снятия тревоги через ритуализированное действие.

В родильной обрядности тревога сосредоточена вокруг нескольких узлов: угроза жизни матери (народная формула о «беременной с одной ногой в потустороннем мире» отражает реальный опыт высокой материнской смертности), угроза здоровью и выживанию ребенка в первые дни жизни, неопределенность будущей судьбы младенца. Именно поэтому обряды имянаречения столь разработаны и дифференцированы – выбор имени есть одновременно акт конструирования судьбы [ПЗА, 2008–2011].

В похоронной обрядности тревога еще более тотальна, потому что смерть необратима и представления о загробном мире принципиально неverifiedируемы. Молитвы, «*яуаплама*» в саване, правильно проведенные поминки, «кормление» души – все это инструменты обеспечения загробного благополучия, продиктованные страхом перед тем, что умерший пострадает из-за небрежения живых.

2. Механизм «магической ответственности». В обоих циклах действует один и тот же психологический механизм: правильное исполнение обряда гарантирует благополучный исход; ошибка или упущение несут ответственность за несчастье [Сулейманова, 2005]. Этот принцип делает отступление от традиции психологически невозможным: никто не хочет быть виновным в болезни ребенка или в том, что душа умершего превратится в злого духа.

3. Архаические пласты в исламской оболочке. Башкиры, будучи приверженцами ханафитского масхаба, отличающегося терпимостью к местным традициям и признающего народный обычай (урф) одним из источников права, сумели органично соединить доисламские обрядовые практики с исламскими. В результате архаические элементы – вера в парциальную

душу, культ предков, тотемистические имена-обереги, магические действия с железом и острыми предметами – дожили до наших дней, прикрытые исламскими молитвами и ритуальными формулами [Фатыхова, 1991].

Важно подчеркнуть, что это не «наслоение» разнородных элементов, а функциональный синтез: каждый элемент выполняет свою роль в системе защиты. Система избыточна именно потому, что ставки слишком высоки.

4. Локальная изоляция как фактор консервации. Специфика башкир Челябинской области – их относительная изолированность от основного башкирского этноса с 1930-х гг. При этом обрядовая практика воспринималась как маркер этнической идентичности и сознательно поддерживалась. Информаторы нередко отмечали, что те или иные обряды нужно соблюдать именно потому, что «так делали отцы» или «это по-башкирски».

5. Сравнение со свадебной обрядностью. Почему свадебная традиция менее устойчива? Потому что свадьба – событие желанное, контролируемое и предполагающее агентность участников. Угроза в ней не столь тотальна и непредсказуема [Федянович, 1990; Федорова, 1997]. В родах и на похоронах подобной свободы нет: ребенок рождается, когда ему положено; умирают, как правило, неожиданно. Непредсказуемость события максимизирует тревогу – и тем самым максимизирует ценность обряда как механизма ее снятия.

Обсуждение

Полученные данные согласуются с общетеоретическими представлениями о функциях ритуала. Б. Малиновский в свое время показал, что магические обряды концентрируются именно там, где человек оказывается перед лицом неконтролируемых сил – болезнь или смерть [Malinowski, 1948]. Э. Кассирер рассматривал ритуал как способ символического овладения пространством страха [Cassirer, 1944]. В данном случае полевые материалы по башкирам Челябинской области дают богатую эмпирическую иллюстрацию этих теоретических положений.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в случае исследуемой группы консерватизм обрядности не является чисто пассивным сохранением. Информаторы демонстрируют осознанное, пусть и неотрефлексированное, понимание функций обряда: они соблюдают запреты «чтобы ребенок не заболел», готовят «*яуаплама*» – «чтобы было легче на том свете», устраивают поминки – «чтобы он там нормально устроился». Обряд продолжает жить не как пустая форма, а как действенный инструмент работы с тревогой.

Примечательна также судьба отдельных элементов в современности. Обряд обрезания (*сәннәтләү*), в советский период ушедший в подполье, сегодня возрождается – но уже в форме медицинской операции [Снесарев, 1971]. Обряд продажи ребенка (*бала һатыу*) встречается реже, но знание о нем сохраняется. Напротив, смысл охраны покойника (*мәйетте һаҡлау*) забыт многими информаторами, хотя сам обряд соблюдается. Это показывает, что обряды с более прозрачной связью «действие – цель» устойчивее обрядов, где эта связь утрачена.

Заключение

Родильная и погребально-поминальная обрядность башкир Челябинской области представляет собой сложный синтез доисламских (анимистических, тотемистических, фетишистских) и исламских элементов, сложившийся в условиях ханафитского масхаба, допускающего гибкое сосуществование традиционного обычая и религиозной нормы. Этот синтез оказался исключительно устойчивым.

Главной причиной повышенного консерватизма именно этих двух обрядовых циклов является экзистенциальная тревога человека, неустранимая никакими рациональными средствами. Беспокойство о здоровье и будущей судьбе новорожденного в первые дни его жизни и страх перед неизведанной реальностью загробного мира после смерти порождают устойчивый спрос на ритуальные практики, дающие хотя бы символическое ощущение контроля над непознаваемым. Механизм «магической ответственности» делает отступление от традиции психологически невозможным.

Дополнительным фактором консервации для башкир Челябинской области служит локальная этническая изоляция, превратившая обрядовую практику в маркер идентичности. Это усиливает мотивацию к ее сохранению и передаче следующим поколениям.

Полученные выводы могут быть использованы при разработке общей теории устойчивости традиционных культур в условиях модернизации, а также в прикладных исследованиях этнического самосознания тюркских народов Урало-Поволжья.

Источники и материалы

Полевые записи автора (ПЗА). Зап. Гульсасак Ваисовна Булякова в 2008–2011 гг. в деревнях Аргаяшского и Кунашакского районов Челябинской области Российской Федерации.

Кисляков, Н.А., 1959. *Семья и брак у таджиков: по материалам конца XIX – начала XX в.* М.; Л.: АН СССР, 268 с.

Кузеев, Р.Г., Бикбулатов, Н.В., Шитова, С.Н., 1962. *Зауральские башкиры*. Уфа: ИИЯЛ, 229 с.

Cassirer, E., 1944. *An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture*. Yale University Press, New Haven, 237 p. (на англ. яз.)

Malinowski, B., 1948. *Magic, Science and Religion and Other Essays*. Free Press, Glencoe, 327 p. (на англ. яз.)

Список литературы

Бикбулатов, Н.В., Фатыхова, Ф.Ф., 1991. *Семейный быт башкир. XIX–XX вв.* М.: Наука, 189 с.

Галяутдин, И., 2016. *Исламские обряды, связанные с рождением ребенка: Наречение именем, принесение жертвенного животного за ребенка, защита от сглаза*. Казань: Изд-во «Хайр», 44 с.

Мурзабулатов, М.В., 1999. *Брачно-семейные отношения у башкир*. Уфа: ИИЯЛ, 132 с.

Руденко, С.И., 2006. *Башкиры: историко-этнографические очерки*. Уфа: Китап, 373 с.

Салмин, А.К., 2016. *Праздники, обряды и верования чувашского народа*. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 687 с.

Снесарев, Г.П., 1971. К вопросу о происхождении праздника суннат-той в его среднеазиатском варианте, *Среднеазиатский этнографический сборник*, отв. ред. Н.А. Кисляков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 284 с.

Султангареева, Р.А., 1998. *Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа*. Уфа: Гилем, 243 с.

Солтангәрәева, Р.Ә., Сөләймәнов, Ә.М., 2011. Ерләү йолалары, *Башкорттарзың гаилә-көнкуреш йолалары*, төз. Ф.Ф. Хисамитдинова, Р.Ә. Солтангәрәева. Өфө: ФА ӨҮТТЭИ, 37–43 бб. [Султангареева, Р.А., Сулейманов, А.М., 2011. Погребальные обряды, *Семейно-бытовые обряды башкир*, сост. Ф.Г. Хисамитдинова, Р.А. Султангареева. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, с. 37–43] (на баш. яз.)

Сулейманова, М.Н., 2005. *Доисламские верования и обряды башкир*. Уфа: Гилем, 148 с.

Сулейманова, М.Н., 2001. Религиозные верования как отражение сознания людей (на примере доисламских верований башкир), *Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона*, отв. ред. И.М. Акбулатов. Уфа: УНЦ РАН, с. 304–305.

Фаттахова, Т.Д., 2012. Традиционные родильные обряды у Саратовских башкир, *Вестник Челябинского государственного университета*, № 7 (261), История. Вып. 49, с. 13–20.

Фатыхова, Ф.Ф., 1986. Поминальный обряд у башкир, *Источники по истории и культуре Башкирии*. Уфа: БФ АН СССР, с. 110–115.

Фатыхова, Ф.Ф., 1991. Культ предков у башкир, *Этническая история и культура народов СССР, Тезисы докладов Всесоюз. науч. конф. молодых ученых*. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, с. 154.

Федорова, В.П., 1997. *Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья*. Курган: Курганский гос. ун-т, 283 с.

Федянович, Т.П., 1990. Семья и семейно-родственные связи как фактор сохранения традиции в семейных обрядах (на примере народов Среднего Поволжья), *Семья: Традиции и современность*. М.: Институт этнологии и антропологии АН СССР, с. 51–65.

References

Bikbulatov, N.V., Fatykhova, F.F., 1991, *Family life of the Bashkirs: 19th–20th centuries*. Nauka, Moscow, 189 p. (In Russ.)

Galyautdin, I., 2016, *Islamic rituals related to the birth of a child: Naming, sacrificing an animal for the child, protection from the evil eye*. “Hair” publ., Kazan, 44 p. (In Russ.)

Murzabulatov, M.V., 1999, *Marital and family relations among the Bashkirs*. Institute of History, Language and Literature, Ufa, 132 p. (In Russ.)

Rudenko, S.I., 2006, *Bashkirs: historical and ethnographic essays*. Kitap, Ufa, 373 p. (In Russ.)

Salmin, A.K., 2016, *Holidays, rituals and beliefs of the Chuvash people*. Chuvash Book Publ., Cheboksary, 687 p. (In Russ.)

Snesarev, G.P., 1971, On the question of the origin of the Sunnat-toi holiday in its Central Asian version, *Central Asian Ethnographic Collection*, ed. N.A. Kislyakov, Nauka. Leningrad branch, Leningrad, 284 p. (In Russ.)

- Sultangareeva, R.A., 1998, *Family and household ritual folklore of the Bashkir people*. Gilem, Ufa, 243 p. (In Russ.)
- Sultangareeva, R.A., Suleymanov, A.M., 2011, Funeral rites, *Bashkir family and household rituals*, comp. F.G. Hisamitdinova, R.A. Sultangareeva, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, pp. 37–43. (In Bash.)
- Suleymanova, M.N., 2005, *Pre-Islamic beliefs and rites of the Bashkirs*. Gilem, Ufa, 148 p. (In Russ.)
- Suleimanova, M.N., 2001, Religious beliefs as a reflection of people's consciousness (on the example of pre-Islamic beliefs of the Bashkirs), *Problems of cultural genesis of the peoples of the Volga-Ural region*, ed. I.M. Akbulatov, Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, pp. 304–305. (In Russ.)
- Fattakhova, T.D., 2012, Traditional birthing rites among the Saratov Bashkirs, *Bulletin of Chelyabinsk state university*, no. 7 (261), History. Issue 49, pp. 13–20. (In Russ.)
- Fatykhova, F.F., 1986, The Bashkir Funeral Rite, *Sources on the History and Culture of Bashkiria*, Bashkirskij filial Akademiya Nauk Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik, Ufa, pp. 110–115. (In Russ.)
- Fatykhova, F.F., 1991, The cult of ancestors among Bashkirs, *Ethnic history and culture of the peoples of the Union of Soviet Socialist Republics, Abstracts of the All-Union Scientific Conference of Young Scientists*, Omsk State University F.M. Dostoevsky, Omsk, p. 154. (In Russ.)
- Fedorova, V.P., 1997, *Wedding in the system of calendar and family customs of the old believers of the Southern Urals*. Kurgan State University, Kurgan, 282 p. (In Russ.)
- Fedyanovich, T.P., 1990, Family and family relations as a factor in preservation of traditions in family rituals (on the example of the peoples of the middle Volga Region), *Family, traditions and modernity*, Institut etnologii i antropologii Akademiya Nauk Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik, Moscow, pp. 51–65. (In Russ.)

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Информация об авторе

Гульсасак Ваисовна Булякова, кандидат исторических наук, Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан, г. Уфа, Российская Федерация; <https://orcid.org/0009-0004-7654-7798>; e-mail: gulsasak-@mail.ru

Information about the author

Gulsasak V. Bulyakova, Cand. Sc. (History), Scientific and Production Center for the Protection and Use of Immovable Cultural Heritage Objects of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russian Federation; <https://orcid.org/0009-0004-7654-7798>; e-mail: gulsasak-@mail.ru

Рукопись поступила в редакцию / Received 26.05.2026
Одобрена после рецензирования / Approved 09.06.2026
Принята к публикации / Accepted 15.06.2026